

Машков Владимир

12.94

374

12 □ Собеседник 50'94

Когда пресса и тусовка единодушно присвоили ему неофициальное звание секс-символа России, собственно актерский и режиссерский талант Машкова в сознании некоторых поклонниц отошел на второй план. На первый выступил высокий мужчина тридцати одного года от роду, с тщательно культивируемой пятнадцатилетней щетиной, с невероятным азартом и моторностью, с репутацией многоканального сердцееда, с двумя главными киноролями, в каждой из которых он очаровывает все движущееся. На последнем «Кинотавре» Машков получил приз за лучшую мужскую роль — в «Подмосковных вечерах» Валерия Тодоровского, а другой его звездный фильм, «Лимита» Дениса Евстигнеева, победил в конкурсе. В последние два года Машков как режиссер выпустил в театре-студии Олега Табакова два спектакля — «Страсти по Бумбарашу» и «Смертельный номер». Празднование машковского дня рождения в родной студии по зрелищности не уступало его театральным постановкам.

— Давно я не видел в одном месте столько красивых, талантливых и разнополых людей, как на твоём дне рождения. Было чувство, что еще немного — и все начнут трахаться...

— Ну... ты не так уж не прав в своих предположениях.

— А... где?

— А вот видишь — мы разговариваем в одной из артистических уборных, и в них, как правило, стоят кушетки.

— Я думал, это для отдыха...

— Знаешь, я до сих пор не научился относиться к этому как к работе.

— Скажи, тебя не раздражает эта секс-символизация? Тебе не кажется, что она разлагается в ущерб серьезной оценке твоей работы?

— Нет, конечно, не раздражает. Здесь вообще нельзя всерьез говорить о секс-символах. В России к этому понятию можно относиться только с иронией. Во всяком случае, на работе моего собственного секс-символа это пока никак не отразилось.

— Тебе по-прежнему приходится домогаться кого-то или, наоборот, теперь все домогаются тебя?

— Жизнь так устроена, что женщин, которые нравятся по-настоящему, всегда приходится домогаться. Легко даются только случайные кратковременные победы.

— Ты переживаешь сейчас настоящую аллюбленность?

— Да!

— В профессиональной среде?

— Ничего не скажу. Может быть, это вообще пока в мечтах. В воображении.

— Сколько раз ты женат?

— Могу показать паспорт: один. Официально разведен. Дочь — Машка Машкова, десять лет. Я по мере сил участвую в ее воспитании.

— А сейчас живешь один?

— Я физически не могу жить один. Совершенно к этому не приспособлен.

— Что тебя больше всего привлекает в женщине?

Владимир Машков — Стрелец.

Этим многое объясняется — целеустремленность, талант, легкая и быстрая слава.

Однако непостоянность, легковёрность — тоже черты Стрельца.

По мнению критиков и журналистов, Владимир Машков — новое лицо русского кино. Это подтвердил и престижный «Кинотавр», где Машков получил приз за исполнение главной мужской роли.

— Рот! То есть все привлекает, конечно, но по-настоящему все как бы группируется вокруг этого. Смотришь на рот и чувствуешь: да, это ТА женщина. А дальше уже — грудь... (мечтательно). Ноги...

— Ты сказочно богат?

— Я никуда ничего не вкладываю и трачу на то, что мне нравится. Я очень люблю есть. Обожаю. Особенно ночью. Мы любим с друзьями после спектакля закатиться в какой-нибудь маленький ресторанчик и там посидеть. Зарабатываю я только в кино — театральная зарплата целиком уходит на телефонные переговоры. Сейчас театр дал мне маленькую квартиру на окраине — я поменял ее на двухкомнатную с доплатой.

— Ты, насколько я знаю, приехал в Москву из Сибири?

— Я родился в Туле и прожил там четыре года. Потом родители переехали в Новокузнецк. У меня были гениальные родители, режиссеры и актеры кукольного театра. Из Новокузнецка мы переехали в Новосибирск, там я поступил в театральное училище и был выгнан. Вообще, сознательная жизнь — первый португальский салют, ночные шатания по городу — начиналась очень весело. Выгнали меня за одну из драк, и я поехал в Москву — поступать в школу-студию МХАТ. Попал на курс Тарханова. Проучился полгода, опять выгнали.

— За что?

— За драку.

— Господи, помилуй, как ты жив-то еще...

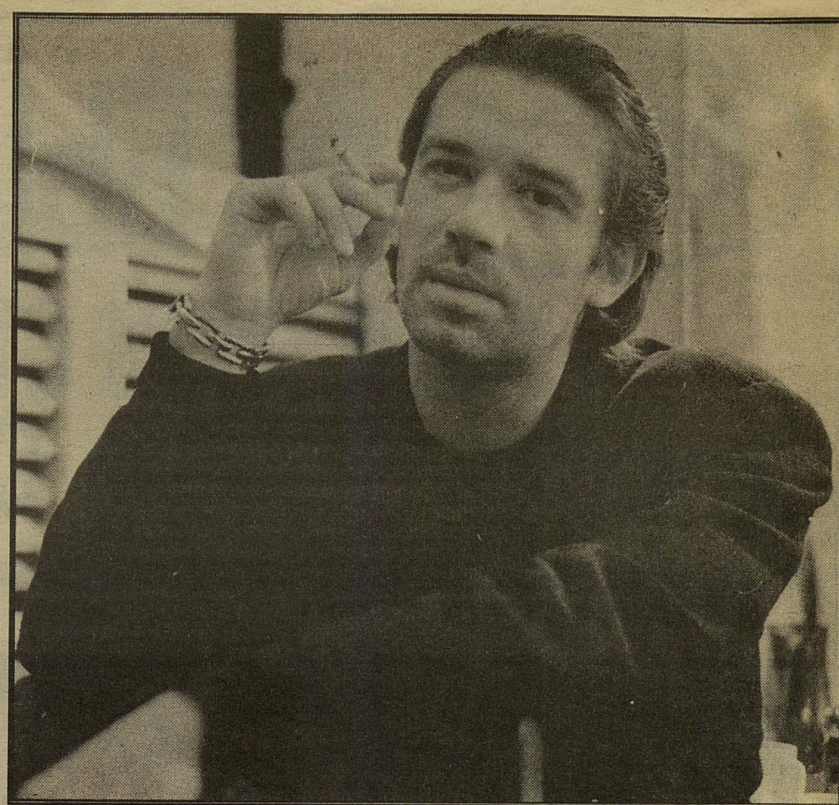
— Тут меня уже всем курсом выгоняли. Они такую проявили сознательность, такой комсомольский задор — вон Машкова! Не место в наших рядах Машкову! А я больше дружил со старшими курсами и в это время отлеживался в общежитии, в комнате у старшекурсников, — просто лежал на диване в полном отчаянии и курил, курил... Наконец судьба моя решилась: меня отправили в ссылку.

— В Новосибирск?

— Нет, мягче. Меня сослали в костюмеры и декораторы. Резать, строгать... Тут я узнал, что Табаков набирает курс. И пошел. У меня уже была репутация из того анекдота, где за одного актера дерутся четыре театра: берите его вы! — нет, вы! Считалось, что меня брать нельзя. Тем более что я был актер готовый, уже ученый, со всеми наработками, — мастера таких не любят, им чистый лист подавай, чтобы лепить, что захочется. Выучил я, как сейчас помню, Леонида Андреева. «Иуда Искариот». И Табаков рискнул.

— Как тебе пришло в голову поставить «Смертельный номер»? Его почти единодушно назвали гвоздем сезона...

— У меня есть друг замечательный, дра-

Фильм о том, как начинает определяться судьба. И как из этой судьбы никуда уже не выпрыгнешь — остается сидеть в нише и играть раз выбранную роль. Шаг влево — шаг вправо расценивается как крах. — Тебя, говорят, Голливуд на части рвет! — О да, он рвет, он так рвет!.. На самом деле я получил с Запада два предложения. Один сценарий пока не читал и говорить ничего не буду. Другая история — американо-французская картина, которую по-французски и надо будет играть, даром что у меня там роль бывшего русского. Такой боксер, который терпит полное поражение по всем параметрам, а потом его девушка вытаскивает из этой ямы. Красивая история, грустная. Но самые большие ожидания у меня связаны с нашей картиной. Вот она выйдет — представление обо мне несколько изменится. Это «Американская дочь» Карена Шахназарова. Очень классное кино, по моему. Про то, как простой такой мужик, музыкант, долго бедствовал и от него жена в Америку сбежала с миллионером.

надцать лет мне было. Мы в Новокузнецке с ребятами шатались по улице ночью, подвыпили, видим — окно горит. Там девушка жила. Решили влезть на балкон. Влезли, дурачимся, потом смотрим — она убита. Лежит завернутая в одеяло. Мы перепугались, спрыгнули оттуда, и в ту же ночь нас всех четверых взяли. Первую неделю держали, потому что подозревали, а еще две — чтобы настоящего убийцу не спугнуть, его уже вычислили тогда. Так я три недели отсидел в предварилке — жуткое, скажу тебе, было время.

— Скажи, а бывает так, что мужья твоих партнерш начинают всерьез ревновать? Вот Кристину Орбакайте, например, все спрашивали, что она чувствовала, когда с тобой целовалась...

— Кристина потрясающе целуется. Но она и девочка совершенно замечательная. Я мало таких встречал. А если совсем серьезно — любовь на площадке почти никогда не продолжается за ее пределами. Эротические сцены играть — это каторга та еще. Я помню, на «Подмосковных вечерах» чуть с ума не сошел: по несколько дублей, с разных позиций, так ляг, так повернись... А Ингеборга Дапкунайте как раз находится в состоянии невесты. Она собиралась замуж за англичанина. И надо на съемках страсть изображать, а какая страсть, когда кругом суется шесть человек? То есть я не против, когда в этом участвуют шесть человек, но пусть они при этом будут заняты одним делом!

— Володя, и все-таки: не за эти же сцены ты попал в секс-символы? Должно в тебе самом что-то быть, что заставляет страну тебя желать. Как по-твоему, что именно?

— Я тебе не смогу ответить. Я, во-первых, не уверен, что страна меня так прямо и желает. Настоящую славу я испытал один раз в жизни. В Каннах. У меня было шесть секунд славы. Назначен банкет в «Карлтоне», общий. Меня подвозит такси — черный лимузин. Я открываю дверцу... и о-бал-де-ваю! В моей жизни никогда такого не было. Снопы света, ликующий ор толпы! Я ме-е-едленно выхожу из машины, делаю три шага навстречу этому восторгу... Только что слезы не подступили, честное слово! Ну, думаю... И тут за моей спиной стремительно вырастает кто-то, в желтой рубашечке. И быстро, пригнувшись, бежит в «Карлтон». И вся толпа ему вслед: а-а-а! Это был Микки Рурк. Они его ждали.

Так что насчет общего вожделения... Дело, видимо, в том, что я люблю это время. Мне в нем хорошо, весело. Мне нравится сейчас жить. И я не хочу, чтобы это время кончалось.

— А оно кончится?

— Конечно, все будет другое. Ты подумай, мы живем в двадцатом веке, а через семь лет будем жить в двадцать первом. Правда, смешно?

Дмитрий БЫКОВ.
Фото Александра ТЯГНЫ-РЯДНО.

Владимир Машков: «НАСТОЯЩУЮ СЛАВУ Я ИСПЫТАЛ В КАННАХ»

матург Олег Антонов. Ему лет пять назад пришла в голову колоссальная идея — он пьесу написал о том, как человек на машине сбил женщину. И тут же ему стало плохо с сердцем. Вот он умирает — от ужаса, от раскаяния — и как бы распадается на четыре ипостаси. Из него выходят четыре разных человека, которые начинают обсуждать происшедшее, судить его, пересматривать всю его жизнь... Теперь, в нашем спектакле, — вместо этого героя появился клоун, артист на пике кризиса. И четыре его внутренних голоса спорят, как ему жить дальше. В цирковом ежедневном риске. Жизнь ведь и есть — смертельный номер.

— Многие говорили, что «Лимита» — тоже фильм о том, каких опасностей полна жизнь новых русских и как они ежедневно ходят по канату...

— Я против устоявшейся трактовки «Лимита»: вот, собрались новые русские и сделали о себе фильм. Это как раз довольно ироничная картина: люди бегут, бешено суется, тратят жизнь, деньги, рискуют всем — но во имя чего? У них нет никакого представления о цели.

А теперь он разбогател и приехал за своей дочерью. Похищает ее, они убегают вместе. Ничего больше не расскажу. Карен три года к съемкам готовился, мы все на это кино много ставим.

— Но конец-то хороший?

— Хороший, не бойся. Правда, там герой в тюрюге посидел американской — ну и я, соответственно...

— Понравилось?

— Ну, у них классные тюрьмы. Все роботы делают. Еду развозят, например. Дверь автоматически открывается, впускает такую тележку, потом тележка выезжает... Кормят очень хорошо. И ребята классные сидят. Им уже скоро на волю было — они с большим воодушевлением снимались. Крутые такие мексиканцы, с длинными волосами, — занимают борьбой «кэч». Кто по шесть лет сидит, кто по семь...

— Ты легко закончил с этими мексиканцами? У тебя что, и отсидочный опыт имеется?

— Я не знаю, как ты про это напишешь.

— Как-нибудь изловчимся, расскажем!

— Ну... это глупая очень история. Пят-